

ПОЭТОМУ МЫ ПОЕМ

Дэррил Типпенс
Возрождая чудо общинного пения

*«Воспойте Господу песнь новую; воспойте Господу, вся земля; пойте Господу,
благословляйте имя Его, благовестуйте со дня на день спасение Его»*
Псалом 95:1-2.

ПОЭТОМУ МЫ ПОЕМ

*«Исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями
духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу»*
К Ефесеям 5:18-19

«После Слова Божьего музыка заслуживает наивысшей похвалы»
Мартин Лютер

Когда я думаю о самых запоминающихся моментах в церкви, об ощущении наибольшей близости к Богу, почти всегда это связано с песнопениями. Я вспоминаю, как в детстве моя мать вышла вперед для того, чтобы обрести Христа через принятие водного крещения, и мы запели:

Слушайся, верь,
Нет другого пути
Обрести спасение -
Лишь в Иисусе Христе.

Будь то восторженные евангельские песнопения во время воскресной службы, духовные песни у костра или рождественские колядки – радость Божественной любви и чудо прощения входило в мой разум и в мое сердце во многом благодаря музыке. Репертуар был обширным. Песни «Несите снопы» и «На древо вознесенный» очень отличались друг от друга, но любое пение неизменно глубоко затрагивало мою душу. Со временем я понял, что не являюсь исключением. На самом деле количество людей, которых радикально изменили духовные песнопения, достаточно велико.

В своей крайне незаурядной автобиографии «Встречая милосердие на своем пути» Энн Лямонт рассказывает о том, как она пришла к вере. В период отчаяния, когда она целыми днями страдала от одиночества и пребывала в тумане алкогольного и наркотического опьянения (включая употребление кокаина), неуклонно влекшие ее к гибели, произошло нечто совершенно неожиданное. В один из таких мрачных дней она оказалась на блошином рынке в городке Марин, штат Калифорния. Там, проходя мимо маленькой и унылой полуразвалившейся церквушки, она услышала очень необычную для себя музыку. Она назвала ее «восхитительным шумом». В то время Лямонт относилась к христианству враждебно. Она не выносила проповедей, но музыка привлекла ее, и в последующие недели она несколько раз возвращалась послушать ее в эту церковь. Пение, как говорит она, было:

«Насыщенным и звучным, исходящим из самой глубины сердца. Это не выглядело как представление и не звучало в форме осуждения; единственное, с чем можно было сравнить музыку, льющуюся оттуда, это дыхание и пища. Что-то внутри меня, что давно окостенело и сгнило, стало вдруг таять и размягчаться. Непонятно каким образом пение размыло все барьеры и препятствия, которые раньше делали меня столь замкнутой. Сидя там, и вставая вместе со всеми, чтобы петь, подчас с такой дрожью и тошнотой, что

казалось, еще чуть-чуть – и упаду, я чувствовала, что изменилась, что обо мне позаботились и вернули обратно к жизни».

В одно из воскресений в апреле 1984 года Лямотт вновь пришла в эту церковь. В тот день она осталась послушать проповедь, которая ее не впечатлила, но музыка была завораживающей:

«Заключительная песня была столь глубокой, неподдельной и чистой, что я просто не смогла сразу уйти оттуда. Люди как будто пели между строк, рыдая и ликуя одновременно, и я чувствовала, как будто их голоса (или что-то еще) качали меня на груди, держали меня словно испуганного ребенка; и тогда я открылась этому чувству – и оно переполнило меня».

По словам Лямотт, «именно музыка притянула меня к себе и широко раскрыла мое сердце». В тот день она решила стать христианкой.

Трудно найти историю, которая бы столь ярко демонстрировала способность музыки захватывать человека и побуждать его к действию. На протяжении веков музыка была одним из главных средств обращения и духовного назидания, и то же самое удивительным образом происходит в наше время. Для большинства верующих музыка является чем-то большим, нежели просто развлечением, фоном или некой иллюстрацией богословской истины. Музыка – это Благая Весть, выраженная посредством слова и звука, самое чистое и самое эффективное выражение Божьего присутствия и Его трансцендентности, и лучший способ задействовать наше сердце и воображение, наше тело и душу.

Великий теолог Карл Барт как-то написал: «Христианская община поет. Это – не хор. Ее пение – не концерт. Но она поет, исходя из существенной внутренней потребности. Пение – это высшая форма человеческого выражения... Мы можем и должны сказать с полной уверенностью, что община, которая не поет, – это не община» (выделено мной). Сердцем мы знаем истину богословского прозрения – во время богослужения христиане должны хвалить Бога устами для того, чтобы быть народом Божиим. Полногласное и полнозвучное общинное пение занимает центральное место в самоопределении и миссии церкви Иисуса Христа.

Однако в наши дни что-то серьезное и фундаментальное происходит с общинным пением. В некоторых религиозных общинах оно под угрозой полного исчезновения. Лидеры различных церквей давно свидетельствуют о том, что практика общинного пения ослабевает. Целые общины забывают петь; они забывают, как петь; они забывают передавать трехтысячелетнее наследие, восходящее корнями к практике древнего Израиля и церквей первого века.

Полноценное пение, оказывающее воздействие, можно сохранить, но это не произойдет, если мы будем только спорить. Только лишь благодаря усердному труду сердца прихожан будут завоеваны. Одна из наиболее страстных защитников общинного пения «а капелла» - выдающийся менонитский музыковед Мэри Ойер. Она говорит:

«У нас замечательное наследие. Я думаю, что мы сохраним его, только если будем петь. Мы должны петь гораздо больше. Мы должны практиковать пение на деле. Пойте больше. Продолжайте петь. Пойте. Пойте. Пойте. Пойте перед церковью. Пойте в церкви. Пойте после церкви. Просто сделайте это».

Мэри Ойер понимает, что у людей короткая память. Если всего одно поколение забывает, как петь, если всего одно поколение утрачивает неподдельную радость мощного общинного пения, сохранить эту практику будет трудно. Если мы утратим мощное и

непоколебимое общинное пение гимнов, мы потеряем одно из величайших церковных средств обращения, наставления и духовного созидания.

Если мы серьезно настроены на то, чтобы сохранить эту освященную веками практику, то должны узнать, почему общинное пение не является просто особенной «отличительной чертой» наших церквей. Скорее, мы должны воспринимать пение как неотъемлемое качество живой общины верующих. На следующих страницах я хочу достичь двух целей: во-первых, вспомнить некоторые основные причины того, почему пение занимает центральное место в жизни церкви; и, во-вторых, предложить некоторые способы его сохранения и обновления.

ПЕНИЕ СОЕДИНЯЕТ НАС С БОГОМ

Люди часто меняют церкви по совершенно удивительным причинам. Одна из причин состоит в том, что члены церкви испытывают голод по Богу. Если они не чувствуют, что Бог присутствует на богослужении, то испытывают чувство неудовлетворенности и ищут Его в другом месте. Люди хотят испытать *ощущение* присутствия Бога, а не просто знать о Его существовании. Причем это не какое-то постмодернистское отклонение. Это едва ли не извечный вопль человеческого сердца: «Вкусите, и увидите, как благ Господь!» (Псалом 34:9); «Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому» (Псалом 83:3).

Что мы можем предложить этим пилигримам, ищущим Бога? Пение гимнов – важная составляющая ответа на этот вопрос. Подобно Псалмам (которые, в конце концов, являются текстами песнопений) наши церковные песнопения обладают уникальной способностью утолять человеческий голод по Богу. Таинственным образом священные песнопения соединяют ум и сердце, пробуждая преданность, покаяние, печаль, радость и благоговение. Когда мы поем «Великий Бог», «Священная Глава» или «Вхожу один я в сад», слова и музыка приглашают прихожан войти в Божественное присутствие.

В традиции свободной церкви, частью которой являются церкви Христа, к тайне и таинствам относятся с подозрением. Мы всегда склонны были подчеркивать правильное *знание* (доктрину) и правильное *действие* (этику и поведение). Как кто-то остроумно заметил, мы хорошо умеем поклоняться «всем, что выше шеи». Мышление, доктрина и этика, конечно, очень важны; но мы должны признать очевидное: их одних недостаточно для поддержания нашей веры. Можно знать правильные вещи, но спотыкаться. Наши сердца вопиют о большем – о Божественной встрече. Мы хотим вступить в Вефиль (дом Божий) и воскликнуть «Истинно Господь присутствует на месте сем!» (Бытие 28:16). Нам нужны не просто *воспоминания* о Боге, Который однажды коснулся Своего творения; мы жаждем общения с Ним сегодня.

Если таинство является земным средством для встречи с Божественным, тогда для многих из нас песнопения стали таинством, которое мы допускаем в своей практике. Песнопения дают возможность *ощутить* нашу веру и выразить преданность наших сердец Богу. Хотя мы и не пользуемся этим словом, «таинство» пения давно стало для нас главным средством соприкосновения со священным. Когда мы поем, то чувствуем, что Бог присутствует рядом с нами: «Но Ты, Святой, живешь среди славословий Израиля», возвещает псалмопевец (21:4). В пении мы ощущаем Божье величие, Его силу и великолепие. Хотя то же самое происходит при молитве, при чтении Писания, во время причастия или проповеди, для многих людей это происходит благодаря музыке.

По словам Джорджа Герберта, одного из величайших религиозных поэтов и музыкантов Англии, церковная музыка – это «путь к вратам на Небо». Современные композиторы, церковные лидеры и теологи высказывают схожую мысль. «Поклонение зиждется на чуде», объясняет Мэтт Редман, который вместе со своей женой Бэт стал автором ныне популярного современного гимна «Благословенно имя Твое»:

«Мы можем ценить по достоинству, восхищаться, и, пожалуй, даже обожать что-то без ощущения чуда. Но мы не можем поклоняться Богу без переживания чуда. Чтобы поклонение было поклонением, оно должно содержать в себе нечто от Бога, нечто не от мира сего [Бог] несказанно славен, несравненно велик и непревзойденно могуществен. Он находится за рамками человеческого понимания – вне досягаемости даже для самых возвышенных и ученых умов. Неисчерпаемый, неизмеримый и непостижимый – вечный, бессмертный и невидимый».

Христианские песнопения приглашают нас восхититься Божьим присутствием, а не просто думать о Нем. Музыка возводит нас к Божьей несравненной силе, красоте и трансцендентности – к Тому, кто не от мира сего.

Без музыки нам остается лишь вести разговоры. Но проблема заключается в склонности ставить говорящего в положение имеющего власть. На них возлагается большая ответственность, которая может стать причиной опасного самомнения, особенно когда дело дойдет до ответа перед Всемогущим. Иное, более смиренное положение духа возникает при поклонении и пении. Когда мы поем, есть ощущение того, что не мы главные. Нас ведет музыка, по крайней мере, так должно быть. Опыт Энн Лямонт показывает, как мы можем подчиниться власти песнопения (а, следовательно, и Реальности, стоящей за музыкой): «Люди как будто пели между строк, рыдая и ликуя одновременно, и я чувствовала, как будто их голоса (или что-то еще) качали меня на груди, держали меня словно испуганного ребенка; и тогда я открылась этому чувству – и оно переполнило меня». Музыка обладает силой проникать в нас, раскрывать нас и очищать нас. Она оказывает *на нас* именно такое воздействие. И когда такой процесс воспринимается всерьез – когда мы погружаемся в песнопение всем своим существом – это приводит нас к Богу.

ПЕНИЕ МЕНЯЕТ НАС

Христианство способно совершенно фундаментально изменять людей, и пение меняет нас необычным образом. Как часто я приходил в церковь несобраным, занятым своими мыслями, с чувством одиночества; но в пении, окруженный десятками, сотнями или тысячей голосов, я таинственно преображался. Способность церковного пения пробуждать и вести нас красноречиво описана целым рядом авторов. В древние времена Августин Иппонский рассказывает о том, как пение сыграло главную роль в его решении стать учеником. Обращаясь к Богу в своей «Исповеди», великий богослов пишет:

«Сколько плакал я над Твоими гимнами и песнопениями, горячо взволнованный голосами, сладостно звучавшими в Твоей Церкви. Звуки эти вливались в уши мои, истина проникала в сердце мое, я был охвачен благоговением; слезы бежали, и хорошо мне было с ними».

Пение не только меняет каждого из нас в отдельности; оно меняет и общину в целом; оно поистине способно изменить мир. Эли Визель, нобелевский лауреат, переживший Холокост, написал: «В песне ... ты взбираешься к высочайшему дворцу. Из этого дворца ты можешь влиять на всю вселенную со всеми ее тюрмами. Песня – лестница Иакова, забытая на Земле Ангелами. Пойте, и победите смерть; пойте, и разоружите неприятеля».

ПЕНИЕ ВДЫХАЕТ В НАС ВЕРУ

Когда мы верим, мы поем. Но часто действия происходят в обратном порядке: вначале мы поем, а потом верим. Вера не всегда ведет к песне. Песня ведет к вере. Сколько миллионов детей поверили потому, что их научили петь: «Любит Иисус меня, говорит мне Библия»? В простом акте песнопения тихо, потаенно зарождается или возрождается вера.

Билл Хендерсон, романист, издатель, основатель «Пушкарт Пресс» и известной премии Пушкарта, вспоминает замечательный пример преображающей силы песнопений. Зимним вечером 1990-го года Хендерсон оказался в церкви своей жены, куда раньше он отказывался ходить. Хотя он уже махнул рукой на христианство, но в то воскресенье все же решил отправиться в церковь вместе с женой из-за сильнейшей снежной бури – отпустить жену с дочкой одних было слишком опасно. Он пишет:

«... Через церковные двери я вошел в почти пустое помещение ... Пришло лишь человек десять, живших поблизости. Служитель стал запевать. Простые непоставленные голоса заглушало толстое покрывало снега на крыше. Снаружи была полная тишина – ни шума машин, ни вороньего карканья. Мы были словно в римских катакомбах, как в самом начале. Нас не будил ни орган, ни рояль. Мы пели, как могли, пропуская слова, путая ноты, но своими нераспевшимися голосами исповедуя друг другу все под кружение метели.

Не помню, что это был за гимн, но вдруг у меня перехватило дыхание от переполнившего меня чувства, что здесь я был как дома. В нашей пении была любовь, которую я искал, которую все мы ищем. Тогда я понял, что хочу остаться в этом маленьком доме. Благодаря этой песне и моей дочери Холли, певшей рядом со всей своей простотой и невинностью, я вернулся в церковь отца и матери.

Через полгода я уже был членом этой церкви, а спустя годы принял предложение стать старейшиной – капризным, подозрительным к простому учению старейшиной, продолжавшим еще долгое время удивляться своему новому назначению».

Кэтлин Норрис, автор «Дакоты» и «Уединенного пути», описывает похожее переживание. Во время богослужения и чтения Писания нараспев, как пишет Норрис:

«Слезы навернулись у меня на глаза, неожиданные и незваные. Я вспомнила, как беззаветно любила Бога и церковь ребенком, и с какой легкостью отошла от Него в молодости. Внезапно я поняла, как повезло мне получить еще один шанс побывать на богослужении, уже в зрелом возрасте, в атмосфере, вернувшей мне истинную религию моего детства, в атмосфере пения».

Норрис пришла к выводу, что истинная религия «состоит не столько в идеях и доктринах, сколько в песне и дыхании». Она вспоминает, как в детстве она думала, что «пение – цель религии». Если пение и не единственная цель религии, несомненно, оно является одним из главных средств, поддерживающих религию. Всякий, кто серьезно относится к духовному воспитанию, будет уделять значительное внимание духовной музыке – музыке церковного богослужения, музыке молодежных групп и собраний, музыке, которая звучит в наших домах и автомобилях, музыке, заполняющей нашу жизнь.

ПЕНИЕ ОБЪЕДИНЯЕТ РАЗУМ И СЕРДЦЕ, ТЕЛО И ДУШУ.

Тех, кто подозрительно относится к эмоциям, тревожит способность музыки привести нас туда, куда не может добраться разум, однако библейский пример должен успокоить наши страхи. Тот факт, что Библия содержит сотни текстов песен, причем многие из них по своей природе довольно эмоциональны, говорит нам нечто важное. Возьмите, например, хвалебную песнь Девы Марии (Лк. 1:46-55). Она не просто выражает вероучительные истины (хотя в ней есть и они). Восторг в этой песне бьет через край, ведь Дева осознает, что ей предстоит носить во чреве младенца Христа. Если мы не чувствуем изменений в Марии, неподдельного переживания удивления и чуда, пульсирующих в ее хвалебных словах, мы глухи к славной музыке текста.

Подобным же образом великие песнопения Ветхого Завета (в особенности Псалмы) выражают сильные эмоции – ликующую радость, подобную радости Марии, но также и глубокую скорбь, острую тревогу, леденящий страх и проблеск надежды. В Псалмах заключен весь спектр человеческих чувств, и именно поэтому они нужны нам как при совместном, так и при личном поклонении. Псалмы позволяют нам, и даже *требуют* от нас быть настоящими людьми перед нашими братьями и сестрами, и перед Богом. Они рассеивают наши попытки показать, что у нас «все в порядке». Они выставляют напоказ нашу «лжеобходительность». Они требуют от нас правды – не просто набожных мыслей в голове, но полной убежденности и страстности нашего сердца. Поистине, если бы все Псалмы (а не несколько любимых) читались в церкви, мы бы предстали более истинной и верной общиной. Пение успешно, потому что требует участие всего человека. Нет другого акта поклонения, который был бы столь же всеобъемлющим и проникновенным.

ПЕНИЕ СОЕДИНЯЕТ НАС ДРУГ С ДРУГОМ

Пение – одно из главных церковных средств воодушевления и назидания общины. В ночь, когда Иисус был предан, Он пел гимны вместе со Своими последователями (Матф. 26:30; Мк. 14:26). Община, которая вместе поет, объединяется замечательным образом, на что указывает Павел в послании к Филиппийцам 2. Пение, как ничто иное, укрепляет солидарность, как отмечает Дон Салиерс:

«В культурном контексте современной Северной Америки поющие собрания в наших церквях ... - среди немногих оставшихся мест, где слова и музыка действительно образуют из множества людей единое целое. ... Когда люди собираются на богослужение, публичное пение по-прежнему воспитывает, приобщая каждого к единой сущности. Эта сущность берет свое начало в древней истории, непрестанно получающей новую жизнь в словах и мелодиях сегодняшнего дня. Она дает голос отдельным людям в хвале, плаче и нужде, но не оставляет их в изоляции, окружая их великим хором».

Мы уже видели, как Энн Лямонт нашла утешение и общение в церковном пении. Августин пишет, что когда церковь в древнем Милане переживала гонения, гимны святого Амвросия вселяли ободрение и надежду в угнетенных верующих. Действительно, когда община поет «Не плачь, душа», «Слушай наши сердца» или «Течет ли жизнь мирно», она таинственным образом утешается и питается, так же, как песни в стиле спиричуэл утешали угнетенных афро-американцев во времена рабства. Джеймс Болдуин говорит о силе музыки в стиле госпел, которую он услышал на одном из возрожденческих собраний (revival):

«Когда пение наполнило воздух, ждущие, слушающие лица изменились, взоры сосредоточились на чем-то, находящемся в сердце; казалось, музыка удаляла из них яд; казалось, время отлетело от мрачных, сердитых, испитых лиц, как будто они вернулись к своему первоначальному виду, а нынешнее им лишь снилось».

Духовное пение рассказывает нашу историю, и, каким-то образом исправляет нас, соединяя в любви с нашими братьями и сестрами в часы наивысшей радости и глубочайшей скорби.

ПЕНИЕ ПРОВОЗГЛАШАЕТ БЛАГУЮ ВЕСТЬ.

Песнопения необычны тем, что благодаря своей непостижимой способности объединить тело, эмоции и разум, они влагают истины веры в наши сердца, а не только в головы. Поэтому песнопения становятся значимым инструментом для наставления.

Славословия, фрагменты гимнов и упоминания о церковном пении постоянно встречаются в письмах Павла. Апостол призывает христиан использовать песнопения для научения, восхваления Бога, ободрения друг друга и благодарения: «Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу. ... назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших...» (К Колоссянам 3:16; к Ефессянам 5:19).

Кроме того, песнопения повторяют истории Писания. Через слова и мелодию мы переживаем события, произошедшие в Гефсиманском саду, Крест и Воскресение. Мы вспоминаем нашу греховность, нашу потребность в искуплении, наш долг перед ближним и обетование вечной жизни. С течением времени люди утрачивают способность воспринимать длинные проповеди, но гимны на протяжении тысячелетий продолжают вдохновлять и наставлять церковь.

Учитывая способность песнопения формировать веру и побуждать людей к действию, нам следует уделять пристальное внимание содержанию. Мы склонны верить в то, о чем мы поем. Это может быть большим благом. В нашей среде с ее несерьезным отношением к богословию пение может компенсировать несостоятельность прочих аспектов богослужения. В молодости я слышал проповеди, которые подчас имели склонность к законничеству или морализму, однако на богослужении мы исполняли множество гимнов таких как «О, благодать!», «Чудный Спаситель» и «Любовь вознесла меня». Проповеди могли быть законническими, но музыка была полна благодати. Точно так же, порой я слышал проповеди, предостерегавшие от опасностей излишнего религиозного пыла, но затем вся община вставала и *пламенно* пела:

Когда ты слышишь брата стон
И бремя с ним несешь
Приемлешь в горе скорби звон
И радость сердца пьешь.

Волнующая музыка Уильяма Бредбери и трогательные слова Джозефа Суэйна в тот день стали проповедью, ибо то, что мы поем и что чувствуем сердцем, останется с нами гораздо дольше, чем то, что мы воспринимаем, будучи пассивными слушателями. Так было всегда, поскольку гимны – это «богословие в действии». Согласно Дону Салиерсу, «непрестанное поклонение Богу в собрании есть форма богословия. Фактически это «основное богословие». По этой причине мы должны обращать пристальное внимание на содержание наших песен, следя за тем, чтобы они соответствовали Писанию и были теологически здоровыми.

Павел понимал способность песнопений передавать основополагающие духовные истины. Когда он хотел побудить христиан жить жертвенной жизнью, то не ограничивал свою речь логическими аргументами. Вместо этого он призывал людей вспомнить то, что они усвоили на богослужении, цитируя знакомый им гимн – великий «Кармен Кристи» или «Песнь Христа» (Фил. 2:5-11). В других случаях великий миссионер-евангелист цитировал стихи или гимны, чтобы проиллюстрировать то, о чем он говорит, и побудить своих читателей или слушателей к действию (К Ефессянам 5:14; 1-е Тимофею 3:16; Деяния 17:28).

Музыка жизненно важна для веры, поскольку служит главным подспорьем духовной памяти. Песня нашего детства способна мгновенно перенести нас в точное место и время – когда мы пели в церкви, в миссионерской поездке, в лагере или в школьном хоре. Способность музыки напоминать нам о Божьей верности служит нам во благо, поскольку духовность предполагает, в сущности, требует, чтобы у нас были яркие воспоминания. Благодаря музыке мы помним.

Пение дает нам еще множество благ, которые невозможно подробно обсудить здесь. Одна из добродетелей пения – его простота и универсальность. Келли Нил, исполнитель классической музыки и преподаватель вокала, замечает: «Мы можем петь без профессиональной подготовки. Нам не нужно брать с собой инструмент, поскольку инструмент есть внутри нас». Он добавляет: «Я люблю связь слов с музыкой и медленное произнесение слов при пении, а также то, что при этом происходит с нашим духом и разумом. Мне нравится, что у каждого есть свой уникальный голос. ... Слияние всех наших личных даров – прекрасный образ тела Христа». Пение умиротворяет беспокойные сердца и готовит нас к небесам, где все будет наполнено песнопениями. Согласно Кэтлин Норрис, книга Откровений напоминает нам о том, что «в итоге остается только хорошее ... Мы будем петь новую песнь. Пение и хвала – это все, что остается. Мне, как поэту, радостно жить с таким видением и таким обетованием». Можно задать справедливый вопрос: как нам настроить наши уста и сердца, пока мы еще не собрались в этот огромный небесный сонм? На оставшихся страницах я предложу несколько советов.

СОХРАНИТЬ И УКРЕПИТЬ ПЕНИЕ «А КАПЕЛЛА»

Именно потому, что музыка столь важна, мы не должны удивляться тому, что при каких-либо изменениях в богослужении общину подчас охватывает тревога. Проходя через перемены, каждому из нас следует набраться больше терпения и смирения. Набор стилей церковной музыки весьма обширен, однако большинство из нас знакомо лишь с очень малой частью этого спектра. За прошедшие две тысячи лет написаны тысячи гимнов, но лишь немногие из них нам известны. Если мы обратимся за руководством к Библии, то обнаружим, что она нигде не предписывает определенные музыкальные стили. Стили меняются, и ни один период истории не может претендовать на то, что именно тогда было достигнуто некое совершенство в области музыки. В каждом веке есть как забытые мелодии с неудачными словами, так и шедевры, но даже самые посредственные песни могут подвигнуть некоторых людей к вере.

Не следует забывать, что «значение музыки – в людях, а не в звуках». Поэтому личное суждение о ценности песни может быть абсолютно бессмысленным. Я вспоминаю, как неделю провел в Израиле, слыша ближневосточную музыку, доносящуюся из автомобилей, ресторанов и домов арабских, еврейских и друзских кварталов. Хорошей или плохой была та музыка? Мне просто не от чего оттолкнуться в моем суждении. Учитывая ограниченный опыт знакомства с музыкой у каждого из нас, и чрезвычайное разнообразие доступной в наши дни музыки – классической и современной, местной и интернациональной, европейской и восточной, католической и протестантской, традиционной и харизматической – будет лучше, если мы воздержимся от поспешных суждений о тех музыкальных направлениях, которые нам незнакомы.

Сегодня мы стоим перед серьезным культурным вызовом. Никогда еще в истории люди не слышали так много профессионально исполненной музыки (практически на всех инструментах). В прежние времена человек мог прожить всю жизнь, ни разу не услышав профессиональных музыкантов. В сельской Америке музыку по большей части играли любители, обычные люди в семье, церкви и школе. Почти каждый пел или играл на каком-нибудь инструменте. Не обязательно было хорошо петь, но каждый мог принять в этом участие. Исполнение музыки не было особой областью для деятельности только лишь профессионалов; скорее, это было рядовой практикой обычных людей.

Времена изменились. Мы становимся все менее *поющей* и все более *слушающей* культурой. Днем и ночью мы окружены профессионально исполненной музыкой. Переход от активного участия к пассивному прослушиванию приводит к еще более тяжелым последствиям. В мире «Американского идола» мы становимся полноправными судьями каждого исполнителя. Другими словами, из певцов мы превращаемся в слушателей, и, наконец, в потребителей и самопровозглашенных критиков. В подобном потребительском

мире церковное пение страдает. Вместо хвалы, под которой подразумевается жертвенный дар Богу, оно становится человеческим исполнением, подвластным критическому анализу. («Как тебе пение сегодня утром?») Это объясняет, почему некоторые сидят на протяжении службы, закрыв рот на замок. Они не считают себя достаточно квалифицированными. Они не понимают, что своим молчанием удерживают дар, полноправно принадлежащий их Творцу и Господу. Что с этим можно поделать?

На самом деле у нас есть выбор. Мы можем признать историческую и богословскую основу пения «а капелла». Ученые, изучающие историю Церкви, сходятся во мнении, что на раннехристианском богослужении звучала музыка «а капелла». Труды Джеймса МакКиннона «Музыка в раннехристианской литературе» и Эверетта Фергюсона «Музыка а капелла на публичном богослужении Церкви» подтверждают этот факт. Пение «а капелла» оставалось распространенным, и даже обязательным во многих церквях на протяжении 18-го века, так же как оно продолжает быть обязательным для миллионов православных, многих анабаптистов (меннонитов и амишей), и пресвитериан-реформаторов.

ПЕНИЕ И СМИРЕНИЕ

Многие из нас, кто вырос в церквях Христа, слышали целый ряд аргументов в пользу пения «а капелла», которые, как кажется, имеют уже гораздо меньший вес, чем прежде. Пожалуй, пришло время рассмотреть другие подходы к данной теме. Многие из старых аргументов были отрицательными по своей природе: они говорили о том, почему инструментальное сопровождение – это плохо. Я считаю, что нас воспримут лучше, если мы предложим положительные аргументы в пользу пения без аккомпанемента. Выдающимся христианином древности – пожалуй, величайшим из умов древней Церкви – был Августин Иппонский. Его понимание пения «а капелла» могло бы быть полезным и в наше время.

Августин утверждает, что пение жизненно важно, поскольку служит средством выражения того, что невозможно выразить иным образом, . Будь то несказанная радость или печаль, песнопения есть отклик сердца на Божественную благодать. Августин говорил об этом так: «Подумайте о поющих людях, которые заняты тяжелой и утомительной работой, скажем, на уборке урожая или в винограднике. В своей радости они начинают со слов знакомых песен. Но в итоге они отвращаются от слов и слогов, как будто они исполнены такой радости, что не в силах выразить ее словами ... и пение их переходит в шум «ликования». Такой род пения есть звук, означающий, что сердце рождает нечто, о чем не может говорить».

В словах Августина мы находим намек на приверженность ранних христиан пению. Они верили, что духовная музыка должна быть прямым выражением человеческого сердца. Но разве не способен на то же самое музыкальный инструмент? Многие скажут так; но Августин, судя по всему, утверждал обратное. Комментируя один из текстов Псалмов об инструментальной музыке (Псалом 149:3: «Да хвалят имя Его с ликами, на тимпане и гусях да поют Ему»), Августин проводит параллель и различие между исполнением музыки на инструменте и исполнением музыки человеческим голосом.

Многие задавались вопросом: поскольку ранняя Церковь повсеместно использовала Псалмы на богослужении, а в них часто упоминаются музыкальные инструменты, то почему ранняя Церковь не последовала ветхозаветному примеру в их использовании? Комментарий Августина косвенно отвечает на этот вопрос: ветхозаветные инструменты были земными символами чего-то духовного на христианском богослужении. По словам Августина есть «таинственный [т.е. духовный или аллегорический] смысл» в этих текстах. Хотя современные люди могут быть не готовы понять такое «духовное прочтение» Ветхого Завета, этот способ был нормой при чтении Библии для ранних христиан (что

особенно видно из писем Павла и послания к Евреям). Церковное «духовное понимание» ветхозаветных упоминаний о музыке сохранялось веками.

Относительно Псалма 149:3 Августин пишет:

«Мы не должны умалчивать о таинственном значении «тимпана и гуслей». На тимпане растянута кожа, а на струнном инструменте растянуты высушенные кишки животных. Так что на обоих инструментах «распята» плоть. Человек, сказавший «для меня мир распят, и я для мира» (Гал.6:14), должно быть, умел воспевать хвалу на этом «тимпане и гуслях»! А *Возлюбивший «песнь новую» хочет, чтобы ты был этими гусями, этим тимпаном.* Он дает тебе Свое наставление, когда говорит: «Кто хочет быть Мне учеником, отвергнись себя и возьми свой крест, следуй за Мной» (выделено мной).

Августин выстраивает трогательную и, как мы увидим, духовно сложную аналогию. Согласно Августину и ранней Церкви, в эпоху Нового Завета люди являют собой инструменты, на которых Бог играет Свою удивительную музыку. Люди Божьи уже не *играют* на тимпанах и гусях; скорее, они сами *становятся* Божьими музыкальными инструментами. Потрясающая мысль. По мысли Августина Бог – музыкант, а люди – Его инструменты. Никакой тимпан и никакие гусли не играют сами по себе. Это пустые, безжизненные вещи, пока их не возьмет музыкант. Мы тоже пустые и безжизненные инструменты, пока Бог не вдохнет в нас Своего Духа и не даст нам песню (К Ефессянам 5:18-19; к Колоссянам 3:16).

Августин продолжает развивать эту мысль:

«Да будут они (последователи Христа) растянуты на древе (креста), и да иссохнут в них все плотские желания. Струны или сухожилия звучат тем звонче, чем более они растянуты. А что говорит апостол Павел о том, как достичь более звонкого и ясного звучания своих гуслей? «Забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания» (Фил. 3:13-14). Итак, он (Павел) простирается вперед; Христос коснулся его, и сладость истины подала голос».

Августин высказывает ошеломляющую мысль: Христос, главный музыкант, «играет» на страждущем последователе Иисуса, словно на инструменте. Наши страдания явлены в том, как Он растягивает нас. Павел – Его главный пример. Бог касается человеческой лиры (апостола), и тот источает священную музыку («Христос коснулся его, и сладость истины подала голос»). Бог, Великий Музыкант, поступает так же со всеми, кто покоряется Ему. Бог хочет создать «новую песню», и эта новая песнь играет посредством человеческого тела и сердца. Мы становимся растянутой кожей (как у ветхозаветных тимпанов и гуслей), которая разносит вокруг похвалы Богу.

Подобная аналогия непроста, ибо предполагает, что музыка, которую хочет Бог, дорогого стоит. Подобно другим духовным дисциплинам воспевание в наших сердцах включает в себя самоотречение и страдание. Это – жертва, которая по определению тяжела. Если мы покоримся Его болезненному растягиванию, Бог произведет через нас исключительно сладостную мелодию – но это будет чего-то стоить. Это – священная песнь, наполняющая все сферы: «Во благодати воспевая в *сердцах* ваших Господу» (К Колоссянам 3:16). «Поя и воспевая в *сердцах* ваших Господу» (К Ефессянам 5:19, выделено мной).

Образ пения смиряет. Во главе не мы, а Бог. Великая музыка – не наше достижение, а Божье. (Она проистекает от Его Духа, обитающего внутри). Инструменты не играют сами по себе; на них играет музыкант. Если мы – инструменты – расстроены, сломаны или сопротивляемся игре, музыка не зазвучит легко и просто. Вместо того чтобы судить, как звучат другие, мы должны уделять главное внимание подготовке своего собственного

инструмента – наших сердец – для славной Божьей музыки. Как часто вы высказывали эту же истину, когда пели «Господь, приходим пред Тобой», прося Бога настроить нас:

Господь, Тебя душа зовет:
Пусть Твоя милость снизойдет.
Наполни радостью сердца,
Хвалой Твоею без конца.

Если мы не будем полностью покоряться Божьей воле, мы не сможем быть уверенными, что станем Божьими инструментами, что будем «воспевать» во славу Его. В любой дискуссии на тему церковной музыки наша собственная неспособность быть подходящими инструментами Бога всегда должна быть у нас перед глазами. Мы должны смиренно петь: *«Господи, сделай нас орудиями Твоего мира...»*

«ПРОДОЛЖАЙТЕ ПЕТЬ. ПОЙТЕ. ПОЙТЕ. ПОЙТЕ».

Помимо аргументов нам следует удвоить усилия по укреплению практики пения «а капелла». Общины, по-настоящему преданные церковному пению, делают пение гораздо более яркой частью своей церковной жизни. Живая, радостная практика пения послужит цели гораздо лучше, чем просто полемика. Мэри Ойер права: «Мы должны петь гораздо больше. Мы должны практиковать пение. Пойте больше. Продолжайте петь. Пойте. Пойте. Пойте. Пойте перед церковью. Пойте в церкви. Пойте после церкви. Просто сделайте это».

Община, которая без энтузиазма относится к совместному восхвалению Бога, рискует утратить саму традицию. Святая песня естественным образом истекает из душ, горящих огнем. Если огня нет, люди ищут какой-то способ восполнить пробел. Карл Барт заметил, что когда церковь «на самом деле не поет, а спазматически вздыхает и бормочет, робко и неуклюже, это, в лучшем случае, запутавшаяся община, неуверенная в своем пути, от служения и свидетельства которой нельзя многого ожидать». Сравните это с совершенно другим опытом поклонения. Гость описал, каково было слышать общинное пение псалмов в Страсбурге в 1540-х годах:

«Первые пять или шесть дней, когда я смотрел на эту небольшую компанию изгнанников из разных стран, я плакал, но не от печали, а от радости, слыша, с каким чувством они поют и благодарят Бога, что Он привел их туда, где прославляется Его имя. Сложно даже представить, сколь радостно они воспевали бы похвалы чудесам Божьим на своем родном языке».

Описанное здесь пение «а капелла» совпадает с тем излиянием, которое описывает Павел в Новом Завете – радостным благодарением, которое дается Духом. Если пение «а капелла» в наши дни переживает трудные времена, то, возможно, это происходит, не потому, что сама форма перестала нравиться и не потому, что наши аргументы не убеждают, а потому, что мы больше не поем в Духе, с благодарностью за чудеса Господни (1 Кор. 14:15).

Раннехристианские авторы отмечали необычайную силу воздействия пения на прихожанина. Когда община восхваляла Бога, они отмечали, что при этом преображалась вся церковь. Пение в изобилии пробуждало любовь и единство среди паствы. Василий Великий говорит об этом так:

«Пение псалмов утишает бурление и кипение мыслей ... Псалом создает узы дружбы, единит разлученных и примиряет бывших во вражде. Кто сочтет врагом того, с кем возносит одну молитву к Богу! Посему псалмопение дает величайшее из благ –

братолюбие, созидавая в общем пении узы единства, соединяя людей в согласии общего хора».

Если наше пение исполняется искренне, оно будет пробуждать дух любви, доброты и единства, утверждает Василий. Поющая церковь внушает мир и сострадание, а не вражду и озлобление.

Церкви, которые по-настоящему преданны музыке «а капелла», будут уделять особое внимание тому, чтобы учить своих членов – в особенности молодежь – петь, петь часто, петь хорошо, петь так, чтобы это приносило настоящую радость. «Весел ли кто, пусть поет псалмы» (Иакова 5:13). Многим церквям раньше это удавалось, но они перестали этим заниматься. Хотя общины, как правило, уделяют внимание проповеди, преподаванию и молодежному служению, подчас им не удается, творчески мысля и используя свою фантазию, задуматься над тем, как побудить своих членов петь часто, хорошо и с воодушевлением.

Не только молодым нужно разучивать песни; это необходимо и более старшему поколению. К сожалению, некоторые песенные лидеры отстраняют определенную часть общины, поскольку не учитывают, что многие просто не знают новых песен. Многим пожилым членам церкви нравятся новые гимны, но подчас они чувствуют себя обделенными, поскольку никто не нашел времени, чтобы *разучить* с ними новые песни, прежде чем сделать их частью богослужения. (Также все осложняется отсутствием нот, которые могли бы помочь испытывающим трудности прихожанам). В результате возникает отчуждение, которое никому не нужно. В пении происходит тесное переплетение ума, сердца и духа прихожан. Пение звучит не только для Бога, но и *друг для друга*; но когда часть прихожан не может в нем участвовать из-за незнания песен, ликующий прорыв в трансцендентное становится невозможным. Богослужение можно было бы значительно улучшить, взяв за простое правило представлять новые песни как часть учебной программы церкви.

Старейшины, проповедники, молодежные служители участвуют во всевозможных встречах, конференциях и ассоциациях, но немногие церкви сегодня вкладывают силы и средства в программы, которые действительно бы учили каждого петь. Как насчет организации региональных и национальных конференций, которые призывали бы улучшить общинное пение? Уделяется ли особое внимание разучиванию новых песнопений во время библейских лекций? Существует ли такой христианский университет, который был бы готов основать Центр Поклонения «А Капелла»? Встречаются ли лидеры богослужения, чтобы поделиться своими знаниями гимнов, своими методами разучивания новых и старых песен? Кто помогает оживить практику пения в старых церквях, в небольших общинах? Кто-то однажды сказал: «Христианская церковь родилась в песне». Возможно, в наши дни церковь сможет *возродиться* через песню.

Что еще мы можем сделать, чтобы поддержать практику священных песнопений, чтобы почитать ее и радоваться ей? Мы можем повысить качество музыки, звучащей в наших церквях. Совершенство в музыке, как и во всем, есть желанная цель. Насколько улучшилось бы наше богослужение, если бы при выборе музыки мы задавали себе несколько основных вопросов:

1. Назидают ли песнопения верующих? (Верны ли тексты песен с богословской точки зрения? Понятен ли их язык и содержание?)
2. Вдохновляют ли они людей? (Оказывает ли музыка влияние на их чувства и эмоции?)
3. Упорядочено ли содержание песен? (Сочетается ли радость с благоговением?)

4. Чувствуют ли люди единение всей общины? (Призывает ли музыка каждого участника быть частью одного тела? Обращена ли она ко всей общине?)
5. Есть ли чувство священного трепета? (Если бы в собрании оказались гости, воскликнули бы они: «Истинно с вами Бог»? 1 Коринфянам 14:25).

Мы можем сделать и кое-что еще. Мы можем воспитывать лидеров богослужения, знакомых с широким спектром мировой духовной музыки. Разнообразие превосходных христианских гимнов, существующих во всем мире, поистине поражает. Однако, большинство из них совсем неизвестны в наших церквях. Я вспоминаю новые гимны, сочиненные христианским композитором из Санкт-Петербурга в России; песнопения меннонитов, как старинные, так и современные; гимны общины Тэзе во Франции; песни, сочиненные коренными народами Азии и Африки. Очень жаль, что в наш век глобализации многие песенные лидеры до конца не осознают, какие широкие возможности дают песнопения. Конечно, кто-то должен потратить время и силы, чтобы выучить эту музыку и научить ей всю церковь. Если музыка действительно настолько важна в духовном развитии, как я утверждаю, то имеет смысл воспитывать сведущих лидеров богослужения. Возможно, недалек тот день, когда общины будут посвящать музыке поклонения столько же внимания, сколько проповедованию или молодежным программам. Среди нас есть большие таланты. Будем же поощрять наших музыкально и поэтически одаренных членов на сочинение новых гимнов!

Если мы серьезно относимся к сохранению церковного пения, тогда необходимо сделать и кое-что еще. Нужно обратить пристальное внимание на акустику наших церковных зданий. Современная церковная архитектура зачастую предназначена усиливать то, что говорится или поется на переднем плане помещения для богослужений. Невнимание к акустике, необходимой для общинного пения, прискорбно, если не катастрофично. Ирония заключается в том, что некоторые из людей, наиболее приверженных общинному пению в теории, строят церковные помещения, которые разрушают это самое общинное пение. Мы поступим мудро, если будем использовать церковное оборудование так, чтобы оно способствовало лучшему церковному пению.

Итак, мы должны учить нашу молодежь пению; мы должны петь часто; мы должны предлагать церкви прекрасные песни, как забытые старые, так и новые; мы должны разучивать большее количество разнообразных гимнов, заимствуя их из всего многообразия всемирного христианского песенного наследия. Мы должны отложить в сторону наши мелочные споры по вопросам предпочтений (песни хвалы или классические гимны) и стилям ведения (один песенный лидер или группа таких лидеров), и объединиться для всеобщего блага братского общения. Мы должны так устраивать помещение для богослужения, чтобы оно позволяло человеческому голосу воспарить ввысь.

Необязательно выполнять все это в совершенстве. Даже если мы не достигнем всех этих целей, даже если нашим богослужениям будет чего-то не хватать (а такое порой будет происходить), все равно изменения в поклонении произойдут, если выстраивать его искренне, основываясь на Писании и наполняя Духом. Наша цель – не в достижении совершенства, а в искренней вовлеченности.

«ОТЧАЯННЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОРЫВ К НЕБУ»

Иногда в стремлении к совершенному исполнению гимнов мы можем упустить из виду главную цель поклонения - встречу с Богом. Джордж Ивс был церковным музыкантом и отцом знаменитого американского композитора Чарльза Ивса. Отец учил сына уважать народную музыку и ценить ее силу. Вот, что он сказал ему однажды об одном каменщике, который во время своего пения не мог попасть в ноты:

«Смотри на него внимательно и с почтением, загляни в его лицо, и ты услышишь музыку поколений. Не вслушивайся чересчур в его звуки – ибо тогда ты упустишь музыку. Отчаянный героический порыв к небу не построить на аккуратных нотках».

Этот совет является замечательным комментарием к словам из послания к Ефесеянам 5:19. Пение, угодное Богу – это мелодия сердца, а не мотив уст.

В так называемой «битве за правильное поклонение» многие люди погрязли в бесплодных спорах об «аккуратных нотках» и, к несчастью, забыли про «отчаянный героический порыв к небу». Если бы мы были более терпимыми и гибкими, признавая, что наше пение есть дар от Бога (и не должно зависеть от наших предпочтений), тогда нам было бы не столь важно, совпадает ли выбор песен с нашим личным вкусом. Христианское пение – это, в первую очередь, совместная жертва наших голосов Богу, восприятие нами Божьего слова и исповедание нашей веры, обращенное к миру.

Если уж ошибаться в том или ином направлении, благоразумней сделать крен в сторону миссионерства. Подобно Лютеру, нам следует поощрять музыку, которая завоевывает сердца молодых и необученных пению. Великий автор песнопений святой Амвросий заметил, что дети его эпохи находили удовольствие в церковных песнях. Они считали пение «своего рода игрой, которая могла дать больше знаний, чем суровая дисциплина». В духе Амвросия нам также нужно следить, чтобы самые маленькие из нас находили бы особую радость в пении, причем по особой причине: Роберт Вутнау заметил, что если дети знакомы с религиозной музыкой, они с большей вероятностью воспримут религию и духовность всерьез, когда вырастут. Поэтому мы должны помнить о юных Августинах и несчастных Энн Лямотт, робко переминающихся на пороге, ожидая касания Божьего благовестия через песню.

Возможно, пение – та духовная практика, которой чаще всего пренебрегают. Размышляя над своим духовным путем, я понимаю, что музыка всегда была моим учителем, утешителем и другом. Я никогда не забуду тот день в школе, когда, будучи старшеклассником, решил поступить в христианский колледж, и принял решение, навсегда изменившее направление моей жизни. В тот день хор колледжа выступал в церкви неподалеку от моего дома, и группа из моей церкви посетила вечернее богослужение и последовавший за ним концерт. Когда хор торжественно входил в церковь, распевая гимн неземной красоты, мое сердце растаяло. Музыка «растворила меня в волнах радости» и раскрыла «весь рай пред моим взором», по выражению Джона Мильтона. Хотя я не помню, какие именно гимны звучали в тот вечер, *воздействие* той музыки продолжается во мне до сих пор. Я не слишком хорошо пою, но это не важно. В тот вечер я понял, что хочу быть там, где возможна такая музыка. Слова веры, положенные на музыку, обращают, ободряют, утешают, поддерживают нас, и вводят нас в райские врата. Ученичество и духовное развитие вряд ли возможно без псалмов, славословий и духовных песнопений.

ОБ АВТОРЕ: Дэррил Типпенс – автор книги «Сердце пилигрима: Путь Христа в нашей повседневной жизни» (Leafwood, 2006). Он является проректором университета Пеппердайн, где также преподает раннюю современную литературу. Вместе с женой Энн он живет в Малибу (Калифорния).